

Этнополитические условия гражданской интеграции российского общества

Автор: Э. А. ПАИН

О трех волнах национализма и религиозной нетерпимости

Глобализация неоднозначно воздействует на устойчивость культурной дифференциации этнических и религиозных групп, составляющих человечество, сочетая в себе процессы унификации культурных норм и воспроизводства культурной специфики. Ревитализируются старые и возникают новые формы традиционной солидарности (этнической, конфессиональной). Сопутствующее этому усиление миграционных процессов повышает вероятность столкновения культур: обострение межгрупповых отношений на почве национализма, религиозной или расовой ненависти приобретает поистине глобальный характер.

В XX в. можно выделить по крайней мере три волны такого рода обострений. Первая из них, протекавшая между 1950 - 1970 гг., была волной этнического возрождения, вызванная процессом деколонизации. Правда, со временем она перекинулась из новых независимых государств Азии и Африки в Европу и Америку. В тот период ею были охвачены Канада (Квебек), США (движения афроамериканцев и индейцев), Испания (движения басков и каталонцев), Бельгия (движения валлонов и фламандцев) и ряд других стран. Характерно, что эту волну трудно объяснить обострением экономических проблем, поскольку она совпала с периодом экономического подъема Запада [Smith, 1981].

Вторая волна пришлась на 1980-е гг. и накрыла в первую очередь Западную Европу. Здесь после второго нефтяного кризиса разразился кризис экономический, затронувший более всего иммигрантские группы. Регион не смог переварить массовый приток мигрантов. Европа готовилась лишь к принятию дополнительных трудовых ресурсов, а получила новое население: трудовая, временная миграция мужчин стала быстро превращаться в массовую иммиграцию. В ситуации замедления экономического роста и увеличения доли безработных усилились противоречия между иммигрантами и коренными жителями стран-реципиентов. Возросла сплоченность традиционных общностей - расовых, этнических и религиозных. В них люди стали искать поддержку в конкурентной борьбе, опору, позволяющую выжить в изменившемся мире.

Третья волна национализма и религиозной нетерпимости, нахлынувшая в 1990-х - начале 2000-х гг., была вызвана разнородными обстоятельствами: продолжением процесса "деколонизации", охватившим в 1990-е гг. территорию бывшего СССР и Югославии,

П а и н Эмиль Абрамович - доктор политических наук, руководитель Центра по изучению ксенофобии и предотвращению экстремизма Института социологии РАН.

и очередным нефтяным кризисом рубежа 2000-х гг., резко повысившим стоимость углеводородного сырья. Все это, увеличивая интенсивность миграционных перемещений, происходивших на фоне замедления темпов экономического роста и инфляции, вело к новому обострению положения иммигрантских групп. Растущая зависимость развитых стран от нефтяных ресурсов стимулировала консолидацию под знаменем ислама и идей "антиглобализма" народов нефтедобывающих государств, считающих, что приходящаяся на них доля экономических, социальных и политических благ не соответствует их вкладу в мировое развитие. Немалую роль в подъеме третьей волны глобального размежевания внесла и начатая США тотальная война против мирового терроризма.

Так или иначе, ныне ни одна из стран мира, включая и наиболее развитые, не может похвастаться полным и окончательным решением проблемы интеграции этнических, расовых или религиозных меньшинств, особенно представителей иммигрантских групп, в сложившуюся систему государства-нации. Даже в Соединенных Штатах, жители которых обычно называет себя иммигрантской нацией, большинство населения после Второй мировой войны не одобряло приток иммигрантов. По результатам социологических опросов, проводимых с 1945 по 2000 г., доля позитивно относившихся к увеличению иммиграции никогда не превышала 14%. Доля же тех, кто выступал против этого, наоборот, не опускалась ниже 33%, а в 1980 - 1990 гг. возросла до 65% [Хантингтон, 2004, с. 514]. В последние годы в стране стало усиливаться новое противостояние между англоязычным большинством и быстро растущим за счет притока мигрантов из Латинской Америки испаноязычным меньшинством.

Ноябрьские события 2005 г. во Франции - массовые уличные беспорядки с участием потомков иммигрантов, показали, что используемая в этой стране "унитаристско-гражданская" модель интеграции представителей разных культур также дает заметные сбои. Здесь с неумолимостью физической закономерности проявилось действие сформулированного еще в 1930-х гг. "закона Хансена", который гласит: "Иммигранты третьего поколения вспоминают то, что пытались забыть иммигранты первого и второго поколений" [Hansen, 1938]. Потомки иммигрантов не хотят мириться с неравенством своих возможностей в стране, где они с рождения должны обладать равными правами с коренным населением. Они не могут реально оценивать ситуацию на своей исторической родине, но им необходим мифологический образ "идеальной прародины" и славных культурных традиций как способ повышения самоуважения и самоутверждения. Эмигранты третьего поколения не стремятся, как их отцы и деды, стать "настоящими французами", многие из них выпячивают свою особенность, опираясь на этнические и религиозные традиции, отвергнутые первым и вторым поколениями.

Далек от идеала характер взаимоотношений коренного населения с иммигрантскими группами в Голландии, которая до середины 1980-х гг. считалась мировым образцом толерантного отношения к меньшинствам. В 1990-е гг. взаимоотношения мигрантов и голландцев стали заметно ухудшаться, а в начале XXI в. политические силы, выражающие в этой стране активные антииммигрантские настроения, стали набирать на выборах до 20% голосов и претендовать на лидерство в парламенте.

Российская специфика глобальной проблемы

На фоне растущих проблем иммигрантских групп в США и в Западной Европе их положение в России может показаться, на первый взгляд, не столь уж драматичным. Начиная с 1990-х гг. и по сей день около 80% мигрантов, прибывших в Россию, составляют этнические русские, свыше 95% - выходцы из стран СНГ, владеющие русским языком в пределах, достаточных для повседневного общения. У этих иммигрантов не возникает острого конфликта мировоззрения, поскольку они - бывшие советские люди, сохраняющие тот же менталитет, что и население страны въезда. Так что типы отношения к межэтническим и межкультурным различиям, сложившиеся в России и на Западе, просто несопоставимы. Иногда даже высказывается мысль, что "СССР представлял собою "империю аффирмативных акций" (термин американского историка Т. Мартина. - Э. П.) -

государство, в котором был осуществлен уникальный эксперимент масштабного спонсирования этничности" [Тишков, 2005, с. 5].

Правда, возможна и иная трактовка термина Мартина. На мой взгляд, "аффирмативные акции" служили для советской державы всего лишь декорацией политики национальных ограничений, поскольку "Ленин и Сталин очень хорошо осознавали опасность, которую несло клеймо империи в век национализма" [Martin, 2001, р. 19]. Так что особенности национально-государственного устройства Союза ССР объясняются вовсе не практикой "аффирмативных акций" или "позитивной дискриминации" (предоставлением многочисленных льгот меньшинствам), характерной для демократических стран совокупного Запада, а его реальной имперской сущностью. Организованное подобным образом государство по определению выступает антиподом демократии, народного суверенитета и национального самоопределения. Власть над многими народами без их на то согласия - вот что отличало все империи, включая советскую.

Впрочем, даже И. Сталин, понимая, что имперский тип правления в XX в. уже неуместен, декорировал империю под союз национальных республик. Нынешние же российские лидеры с еще большим усердием маскируют свой главный политический проект рецентрализации страны под демократию (правда, особую - "суверенную") и федерацию. На языке специальных служб такого рода действия называются "разработкой легенды". Однако еще писатель-сатирик А. Аверченко отметил, что российского филера легко узнать, поскольку из-под штатского пальто горохового цвета у него всегда выглядывают синие полицейские штаны. Имперский тип нынешнего политического устройства страны (речь идет об усеченной "империи для себя") также все заметнее проступает по мере унитаризации нашего государства и уменьшения и без того слабых проявлений народовластия. В современной России субъекты Федерации таковые только по названию: в реальности они теряют свою политическую субъектность, становясь объектами управления из центра. И жители РФ лишь называются гражданами: в действительности они - подданные, объект политических манипуляций. Ибо демократия - это определенность процедур выбора при неопределенности его результата. У нас же теперь все наоборот: процедуры выбора неопределенны, они постоянно "корректируются" для удобства властей, результат же их становится все более предопределенным.

Имперское наследие как преграда этнополитической интеграции общества

Касаясь первопричин подобной ситуации, сложившейся после распада СССР, американский политолог А. Мотыль указывает, что "главной причиной слабости России и ее соседей выступают не дурные политики, принимающие глупые решения, а институциональное бремя имперского и тоталитарного прошлого" [Мотыль, 2004, с. 174 - 175]. На мой взгляд, не имеет смысла столь жестко противопоставлять "дурную наследственность" "дурным политикам", хотя бы потому, что деятельность последних чаще всего и приводит к ревитализации остатков имперского порядка. Однако здесь целесообразно отложить вопрос о политике и сосредоточиться на проблеме "политического наследия империи", которое как раз и определяет принципиальную невозможность обеспечения современного типа интеграции различных этнических и религиозных групп в единое гражданское общество - гражданскую нацию. Рассмотрим далее основные факторы, обуславливающие именно такой оборот дел.

"Нет граждан, есть лишь подданные". Это свойство имперского режима создает непреодолимые препятствия для интеграции различных народов и культур. Теория политической антропологии предполагает, что она возможна лишь в обществах, в которых преобладает гражданско-политическая идентичность. Она "подразумевает существование открытого общества, основанного (по крайней мере, в теории) на общественном договоре, к которому могут присоединиться и тем самым стать гражданами, люди любой расы, любой национальности" [Хантингтон, 2004, с. 62 - 63].

В империях не бывает гражданских наций. В вертикальном, иерархичном обществе есть лишь "верх" и "низ". "Верхи" - власти не могут восприниматься в качестве "мы" и

определяются массовым сознанием исключительно как "они". В какие-то времена "они" оцениваются как мудрые хозяева, а в каких-то случаях - как виновники всех бед. Что касается "низов" общества, то при отсутствии в нем горизонтальных политических связей и отношений, при неравенстве статуса жителей метрополии и колоний и т.п., образ "мы" формируется локально на основе простейшей и древнейшей формы идентификации - этничности. Так в империях вызревают этнические нации, на которые рано или поздно имперская конструкция распадается. При этом совершенно не важно, как называются будущие линии и границы раскола: национальные республики, как в Советском Союзе, или провинции, как в Османской Турции.

В империях характер взаимоотношений между этническими и религиозными сообществами жестко определен, напоминая матрицу, заданную отчужденной от населения верховной властью. Такая матрица исключает возможность интеграции культур, обеспечивая в лучшем случае лишь временное сосуществование в едином государстве гетерогенных компонентов, находящихся в своих иерархических нишах. Возможность переходов из группы в группу и включения в них новых членов также ограничена, поскольку "членство" в них доступно лишь тем, кто обладает определенным набором базовых этнических и культурных свойств. Рано или поздно группы, занимающие непрестижные ниши в матрице (не говоря уже о дискриминируемых), начинают оказывать сопротивление сложившемуся режиму, что подтачивает всю имперскую систему. Такую жесткую, замкнутую конструкцию С. Хантингтон назвал "этнико-генеалогической" [Хантингтон, 2004, с. 62]. Это определение особенно подходит к советской модели межэтнического взаимодействия, в описании которой всегда преобладали именно генеалогические термины: "родина-мать", "республики-сестры", "народы-братья". Последних верховная власть разделяет на "старших" и "младших" и предписывает им определенный тип общения - "дружбу народов".

Противоположная имперской, гражданско-политическая модель отношений между разными культурами не исключает возможности конфликтности, однако она в принципе способна к трансформации и адаптации к изменяющимся условиям. Этнико-генеалогическая же модель национальной интеграции реформированию не поддается и в кризисные периоды неизбежно разрушается. Хотя бывает, что под воздействием внешних сил она целенаправленно деконструируется. Так, после поражения во Второй мировой войне Германия и Япония отказались не только от экспансионизма и милитаризма, но и от традиционного для имперских обществ этнико-генеалогического принципа определения своей национальной идентичности, перейдя на гражданско-политическую модель национальной интеграции и идентификации.

Хочу отметить, что при разных моделях национальной идентичности, этнические и конфессиональные группы по-разному осознают свое место в социуме и, соответственно, неодинаково формулируют свои претензии к государству и обществу. Так, по мнению французского политического антрополога В. Кимлики, "в западных демократических обществах большинство этнокультурных групп не хотят находиться *под защитой* либерального общества. Напротив, они хотят быть признанными в качестве *полноправных членов этого общества*" [Kymlika, Mesure, 2000, p. 144]. Сказанное справедливо не только для этнического большинства, но и для национальных меньшинств и иммигрантских групп Европы и США. Все эти группы в большинстве своем не выступают против гражданского равенства и не оспаривают сам "принцип участия". Дискуссии возникают лишь по вопросу о специфике их участия в социально-экономической и политической жизни общества.

В России же не только меньшинства, но и этническое большинство не ощущает себя хозяином страны. Поэтому политики, выступающие от имени последнего, требуют для него не *большого участия* в управлении страной, а *защиты*, предоставляемой внешней силой - верховным правителем, а также наделения большинства *дополнительным правовым иммунитетом и статусными преимуществами*. Так, в представленном в Государственную думу законе "О русском народе" важнейшим тезисом было признание русских "единственным государствообразующим народом" [Севастьянов, 2002]. В таком же

ключе обсуждалась идея пересмотра Концепции государственной национальной политики, принятой во времена Б. Ельцина.

Между тем в большинстве известных случаев лидирующая роль представителей этнического большинства в интеграции общества сопровождалась отказом от требований прерогатив для себя. У них и без того есть неотъемлемое преимущество: они составляют большинство избирателей. Разумеется, оно реализуемо только в демократическом обществе, в котором выборы, референдумы и другие процедуры народовластия имеют значение. В мире существует практика государственной защиты меньшинств, хотя целесообразность особого статуса даже для них сейчас подвергается все большему сомнению. Что касается требований особого статуса для электорального большинства, то они просто уникальны и не имеют аналогий в странах, считающихся демократическими. Иначе говоря, русскому большинству вместо реальной возможности *быть хозяином страны*, источником демократической власти, предлагают возможность *вообразить себя хозяином* по отношению к другим гражданам - представителям меньшинств.

Понятно, что уже одна лишь постановка вопроса о возрождении статуса "старшего брата" вызывает подозрительность у людей, которых тем самым заталкивают в некие сконструированные страты "средних", "младших", "сводных" и прочих "братьев" и "сестер". В то же время никакие статусные льготы не помогут консолидировать и этническое большинство. Гигантская социальная поляризация между "верхами" и "низами" в современной России не дает возможности сформироваться образу единого "мы". Беспрецедентные для государства, называющего себя развитым, перепады в уровне жизни разных регионов постоянно напоминают нам, что страна наша - империя, в которой есть привилегированный центр и бедные окраины. Гораздо хуже, что государство - аппарат управления страной, все меньше воспринимается населением как часть единого "мы". Как только власть теряет признаки мифологической сакральности, она предстает в своем естественном и неприглядном обличье: "гаишника с большой дороги", хамоватого начальника ДЕЗа или же министра, который знать не хочет о безобразиях в своем ведомстве, а главное, не несет за них никакой ответственности.

Итак, требования/прошения "на высочайшее имя" об особом статусе русского народа позволили этнической элите, выступающей от имени большинства, почувствовать себя "хозяевами" по отношению к "гостям" (мигрантам, инородцам и др.). Как показывает анализ публичного дискурса этой проблемы в современной прессе, главное, чего хотят получить такие "хозяева" - право наказывать "гостей" за уклонение от соблюдения обычаев, установленных в "нашем доме". А сила рассматривается защитниками "хозяев" в качестве самого эффективного метода воздействия [Карпенко, 2002, с. 190]. Если вдуматься, то описанная здесь модель отношений "хозяев"-"гостей" характерна вовсе не для традиционного жилища, где пришельцу отводится лучшее место, а для тюрем или российской казармы, в которой старожилы имеют право силой навязывать свои порядки новичкам. Понятно, что при сохранении патерналистской, распределительной модели жизнедеятельности социальным группам важно быть "главными" или "старшими", поскольку от этого зависит место в "бараке" и близость к источнику благ.

Кризис идентичности. Сложившееся к концу 1990-х гг. барачно-казарменное понимание взаимоотношений "хозяин"-"гость" отражает не только подданнический тип сознания, но и весьма типичные для постимперских условий психологические комплексы, связанные с болезненностью привыкания этнического большинства к своему новому пространственному телу, уменьшившемуся после распада или частичного сжатия империи. Эти комплексы материализуются, в частности, в кризисе идентичности. В той или иной мере его переживают все новые независимые государства, но больше других - Россия, претендующая на право считаться правопреемником Советского Союза, процесс распада которого здесь воспринимается болезненнее, чем в других странах СНГ (не говоря уже о Балтии). Во всяком случае, во всех постсоветских государствах "День независимости" - главный праздник, и лишь в Российской Федерации он изначально был малозначимым, а ныне и вовсе утратил свое название. Ни власти, ни общество не хотят вести отсчет независимости страны от времени распада СССР. Президент России в Посла-

нии Федеральному собранию 2005 г. объявил событие, в результате которого и появилось его государство, "величайшей геополитической катастрофой XX в." [Послание... 2005]. Каким образом может сложиться единая и позитивная идентичность у жителей государства, которое воспринимается властями и обществом как *нежданный и незаконнорожденный ребенок, калека, жертва катастрофы и заговора!* Откуда в таком государстве появятся ресурсы для гражданского сплочения разных народов, и на какой основе может сформироваться здесь единая национальная гордость всего населения?

В постсоветский период позитивное самоутверждение россиян осуществлялось, главным образом, за счет мифологизации и героизации прошлого - эклектической комбинации мифов Российской империи и советского времени [Левада, 1994, с. 15 - 17]. Однако в государстве, прошлое которого связано с колониальными захватами, история читается и пишется по-разному многочисленными его народами. Одни и те же события трактуются одними этносами как героические, а другими - как трагические. Примерами могут служить Куликовская битва (для русских и татар); изгнание из Москвы поляков (для русских и поляков); поход Ермака (для русских и автохтонных народов Сибири) и т.д. Важно и то, что насаждаемый сверху традиционализм, доведенный до своего логического конца, часто выступает основной предпосылкой различных проявлений такого радикального идеологического течения, как фундаментализм (возвращения к истокам). Последний же усиливает стремление людей к культурной изоляции, обостряет этническую и религиозную нетерпимость, препятствует процессам модернизации.

Гордиться своей древностью вправе многие страны. Например, граждане Франции легко могут отыскать в своей истории множество памятных дат, пригодных для национального празднования. Однако их главный государственный праздник посвящен не взятию Орлеана Жанной д'Арк, а более позднему событию - взятию Бастилии. Эта дата отражает переход к новой истории страны, к республиканскому строю и тем самым подчеркивает как нынешние базовые ценности гражданской нации, так и ее установку на демократическое будущее. России также необходимо определиться с тем, какое государство мы строим. Если взят курс на восстановление самодержавия, то празднование событий 1612 г., предшествовавших воцарению династии Романовых, имеет смысл, а если все же сохраняются цели, отраженные в Конституции РФ, то за точку отсчета развития демократического и светского государства стоит принять другие памятные даты.

Словом, одно из основных препятствий для становления российской гражданской нации как раз и состоит в отсутствии у властей и общества образа будущего страны, образа "русской мечты". Вряд ли в качестве таковой может быть принята установка на удвоение ВВП.

Сохранение "имперского тела". В современной России от имперского наследия сохраняется не только политический режим, отчужденный от нации (общества) и рассматривающий народ своей страны лишь как ресурс, но и "имперское тело" - территория, демонстрирующая рубцы бывших колониальных завоеваний. Речь идет об ареалах компактного расселения колонизированных в прошлом этнических общностей, часть из которых осознает насильственный характер их удержания в составе имперского пространства и оказывает сопротивление режиму. Сохранение "имперского тела" приводит к тому, что в отличие от ситуации, складывающейся ныне на Западе, объектом ксенофобии в России выступают не только иммигрантские группы, но и представители титульных народов республик в составе РФ, особенно северокавказских. Различные политические силы имперского блока в России эксплуатируют то одни, то другие проявления неприязни. В 1990-е гг. основная ставка делалась на рост ненависти к чеченцам. Расчет строился на том, что чеченская война станет основой этнонациональной консолидации русского народа. Вот типичный образчик надежд националистов "имперского разлива" на рост патриотических настроений в начале 2000 г.: "Чеченская война, изначально никому не нужная и развязанная теми же нефтебанкирами, в конце концов, привела сегодня к общему патриотическому подъему народа. С концом века кончилась и эпоха русского унижения. Победа в Чечне нужна как воздух" [Бондаренко, 2000]. Однако уже к концу 2000 г. вера населения в быструю победу в Чечне стала таять, а патрио-

тического ажиотажа вокруг этой войны вообще не возникало ни в первую, ни во вторую чеченские кампании. В то же время военные действия вызвали небывалый рост ксенофобии, вначале по отношению к чеченцам (к 2002 г. показатели античеченских настроений подобрались к отметке почти 70%), а затем к другим группам этнических меньшинств, в том числе и иммигрантских.

Исследования Центра этнополитических и региональных исследований показали, что к 2003 г. иммигрантские группы наряду с чеченцами в наибольшей мере стали испытывать различные формы проявления неприязни и дискриминации в различных сферах, особенно при найме на работу и аренде или покупке ими жилья [Национальные... 2003]. В 2004 - 2005 гг. мигрантофобии стали активно разыгрываться политическими силами. В единый фронт борьбы с иммигрантами ныне входят как мелкие группировки, типа Движения против нелегальной эмиграции, так и весьма влиятельные, например партия "Родина". Последняя, используя лозунги "Очистим наш город" и "Москва для москвичей", положила идею этнических чисток и борьбы с иммиграцией в основу своих программных заявлений на выборах в Московскую городскую думу 2005 г.

Следует согласиться с большинством экспертов, которые полагают, что нарастающее социальное и политическое давление, испытываемое сегодня иммигрантскими группами, не приводит пока к их политической консолидации и не подталкивает к массовым протестным действиям. Однако в перспективе часть из них может влиться в инфраструктуру религиозного исламского экстремизма, включая организации, использующие вооруженные формы борьбы с властями, созданные автохтонными группами этнических и религиозных меньшинств России.

Пока же, в качестве вынужденного ответа дисперсных групп меньшинств, можно ожидать действия, которые в еще большей мере будут раскручивать спираль ксенофобии. Прежде всего вероятен рост их вынужденной криминализации. Чем меньше шансов у их представителей на получение легальной работы, тем выше вероятность вовлечения в нелегальный бизнес. Это в свою очередь станет подпиткой мифа об изначальных криминальных наклонностях иммигрантов ("южан", "непрошенных гостей") и фактором усиления ненависти по отношению к ним. Далее, несомненно, будет возрастать локальная консолидация иммигрантских групп. Невозможность интеграции в бытовую сферу вследствие дискриминации при найме жилья усилит их локальную замкнутость, которая, в свою очередь, повлияет на рост обоюдной ксенофобии этнического большинства и меньшинств.

Ныне во многих частях России формируются замкнутые анклавные расселения иммигрантских групп, в которых возрождаются архаичные традиции социальной организации. Например, в ходе интервью с представителями разных региональных общностей таджиков в Москве мои собеседники сообщали, что вследствие чрезвычайных сложностей в трудоустройстве даже на самые тяжелые и малооплачиваемые работы усилилась трудовая конкуренция внутри самой таджикской диаспоры. Необходимость групповой консолидации стимулировала возрождение таких региональных и клановых подгрупп этноса, которые были забыты в самом Таджикистане. Усилилась и роль неформальных лидеров общин и кланов внутри них. И эта тенденция также будет способствовать росту ксенофобии у русского населения и активизации мифов "о культурной несовместимости с гостями". Действительно, архаичные социальные организации непривычных приезжих, как, впрочем, и любые сплоченные структуры "инородцев", вызывают подозрительное, резко негативное отношение основного населения принимающего региона.

Цепная реакция роста ксенофобии может быть использована экстремистами не только из числа русских националистических организаций, но и из наиболее радикальных группировок исламских фундаменталистов. Один из идеологов организации Исламский конгресс России в этой связи патетически восклицает: "Да, конечно, мусульманская умма (община) сегодня расколота на множество мелких общин - джамаатов и вирдов самого различного толка. Но при этом есть немало объединительных тенденций, и основной из них является тот колоссальный прессинг, который испытывают на себе сегодня все мусульмане, независимо от национальной принадлежности или от того, какого на-

правления в Исламе они придерживаются" [Макаров]. Маловероятно, что организации типа Исламского конгресса способны сегодня объединить всех мусульман России. Но нет сомнения в том, что рост русского национализма будет стимулировать ответную консолидацию меньшинств, эффективность которой (уровень и скорость мобилизационной готовности, прочность и конспиративность связей и пр.) заведомо выше, чем у этнического большинства. Данное обстоятельство еще раз указывает на непреодолимую хрупкость имперской, точнее - квазиимперской системы межкультурных контактов.

Авторитарно-бюрократическая политика и ее влияние на этнокультурную дезинтеграцию

Весь предшествующий анализ "дурной имперской наследственности" свидетельствует, что она - преграда для интеграции в российское общество различных этнических и особенно иммигрантских групп. Но, помимо совокупности неблагоприятных "историко-генетических" факторов, доставшихся нынешней российской власти от предшествующих режимов, положение дел осложняет ее новая политическая стратегия. Речь идет не только о сложившейся практике регулирования миграционных или этнических процессов, но и вообще о внутренней политике России. Эта политика перестала соответствовать даже своему первоначальному названию "управляемая демократия" ввиду истощения признаков демократичности и приобрела явно выраженные "авторитарно-бюрократические" черты. Вот некоторые из них.

Культивирование страхов. Российские власти пытаются поддержать целостность коллективного российского сознания с помощью механизма возрождения "мобилизационного общества". В основе этого механизма, как и в советское время, лежит негативная консолидация, складывающаяся вокруг образов многочисленных врагов. К внешним врагам все чаще относят Запад, который "хочет оторвать жирные куски нашей территории"; новые независимые государства - рассадник "цветных революций" и, конечно же, международный терроризм. В качестве внутренних недругов сегодня выступают "олигархи", вывозящие российские богатства; вся оппозиция ("лимоны с яблоками"), скинхеды, ваххабиты, сепаратисты и многие другие. При таком обилии недоброжелателей неудивительно, что в стране возрождается атмосфера "осажденной крепости", что в свою очередь приводит к заметному усилению ксенофобных настроений. Следовательно, "политика страха", рассматриваемая в качестве основного элемента консолидации, реально ведет к ее ослаблению и обострению межэтнических отношений.

Такое несоответствие результатов прокламируемым установкам властей нельзя считать планируемыми следствиями указанной политики. На мой взгляд, один из коренных ее пороков как раз состоит в том, что власть во многом не осознает порочность ряда своих стратегических решений и порождает явления, на которые не рассчитывала и которыми в принципе не может управлять. Так, в январе 2005 г. в ходе массовых акций протеста пенсионеров Владимира против замены натуральных льгот денежными компенсациями уже на второй день фонарные столбы в центре города были оклеены листовками: "Русский - помоги русскому", в которых сообщалось, что бедствия людей вызваны "засильем нерусских людей в правительстве" с перечислением их фамилий. Листовки не были анонимными: они сопровождались фотопортретом и подписью И. Артемова - депутата Законодательного собрания области и лидера нелегальной партии "Русский общенациональный союз" (РОС).

Это пример того, как ксенофобия, порожаемая политикой страха, может использоваться на нижних этажах властной вертикали для самосохранения местной элиты в ущерб авторитету верхних, федеральных эшелонов власти. Пока все это не затрагивает главную фигуру - В. Путина, но пленка, отделяющая "хорошего царя" от "плохих бояр", становится все тоньше и вряд ли сохранится надолго при нынешней беспрецедентно высокой зависимости исполнительных органов от президента.

Если региональные чиновники пока скрытно и с оглядкой используют федеральную власть в качестве образа врага, то набирающая силу русская националистическая оппо-

зиция действует куда решительнее. Радикальные русские националисты из нелегальных партий уже не скрывают своих намерений прийти на смену нынешнему режиму. Они уже сформировали и широко разрекламировали свою программу воссоздания Российской империи якобы с целью возрождения русской нации [Королев, 2000; Холмогоров, 2004]. Их лидеры называют себя "третьей силой", идущей на смену коммунистам и демократам (нынешний режим они относят ко второй категории). Теоретики новой империи не удовлетворены существующей "вертикалью власти", они хотят соединить ее с вертикалью, точнее иерархией этнических общностей, наподобие той, что сложилась в Третьем рейхе. Там в качестве "государствообразующего" народа выступали "истинные арийцы", далее размещались второстепенные, покоренные народы, а в самом низу - неполноценные нации, подлежащие уничтожению. Кстати, если в России возродится империя в расистском облике, то она тоже будет третьей, после царской и советской. Возможно, современная власть не в полной мере отдает себе отчет о последствиях "политики страха" и других остаточных механизмов мобилизационного общества.

Имитационная политика. Построение "вертикали власти", ставшее своеобразной визитной карточкой современной российской политики, привело к росту численности и влияния бюрократического аппарата в жизни общества. Перемены происходят и в социальном составе этого слоя. В сравнении с эпохой Ельцина доля ученых во властных структурах России сократилась в 2,5 раза, а доля военных почти настолько же возросла, в силу чего нынешний политический режим даже получил название "мелитократический" (см. [Крыштановская, 2002]).

Отмеченные тенденции крайне неблагоприятны для поддержания стабильного и бесконфликтного взаимодействия различных этнических и религиозных групп РФ. Во-первых, изменение социального состава бюрократии прямо ведет к росту нетерпимости в обществе, поскольку социологические исследования показывают: у представителей "мелитократии" (армии, МВД и служб безопасности) уровень ксенофобии выше, чем у всех других социальных групп населения [Гудков, 2003]. Во-вторых, общее усиление бюрократизации страны оказывает косвенное влияние на обострение межгрупповых отношений в рассматриваемой сфере прежде всего через "имитационную политику", столь характерную для современной России.

Это может быть "имитация активности" власти - мы становимся свидетелями того, как представители правоохранительных органов либо фабрикует дела так называемых "этнических преступных группировок", либо вводят в заблуждение общественность относительно роли и масштабов деятельности иммигрантских групп в преступном бизнесе, например в торговле наркотиками [Reuter, Pain, 2004; Паин, 2005, с. 106 - 117]. Так бюрократы выступают одними из главных создателей и распространителей мифов, которые не только затрудняют жизнь этнических меньшинств, особенно иммигрантских групп, но и ухудшают общую атмосферу межнациональных отношений в стране.

Не меньшее зло - "имитация стабильности", которая характерна как для федеральной власти, долгое время пытавшейся не афишировать проявления русского национализма и мигрантофобии, так и для периферии. В регионах России правоохранительные органы крайне неохотно квалифицируют погромы и даже убийства представителей этнических меньшинств и иммигрантских групп как действия, совершенные на националистической почве, определяя их как хулиганство или бытовые ссоры. Иногда при этом получается полный конфуз: милиция полностью отвергает версию об убийстве на почве межнациональных отношений, а националистическая экстремистская группировка берет на себя ответственность за совершенное преступление.

Нежелание российских правоохранителей возбуждать дела против русских националистических организаций, например "скинхедов", по статье "разжигание национальной розни" объясняется рядом причин. Здесь и уже упоминавшийся высокий уровень зараженности мелитократии ксенофобией, которая побуждает их к рассуждениям типа: "какие же они экстремисты - это наши мальчики, они наводят порядок, разбираются с мразью, понаехавшей в нашу страну". Немалую роль в "непротивлении злу" играют и сугубо бюрократические причины. Так, по действующим правилам в случае квалификации

уголовного дела как проявления политического экстремизма оно берется под контроль Генеральной прокуратурой. Это накладывает на милиционеров и сотрудников прокуратуры на местах целый ряд дополнительных требований по сбору информации и выстраиванию более серьезной системы доказательств вины подозреваемых, чем в случаях с обычным хулиганством. Понятно, что такое увеличение работы без роста вознаграждения за нее не может приветствоваться сотрудниками МВД и прокуратуры.

Так или иначе, бюрократические игры в любой их форме (как "имитация активности", так и "имитация стабильности") привели к резкому росту в стране этнополитического экстремизма, направленного прежде всего против этнических меньшинств и иммигрантских групп населения. Сам факт того, что русские националистические группировки начали публично брать на себя ответственность за преступные деяния, открыто угрожая представителям прессы и правозащитного движения, характеризует заметную активизацию и политизацию их поведения. За спинами молодежных группировок все заметнее проявляются силуэты "взрослых" политических партий. Среди них Национальный фронт, Народная национальная партия, Национально-державная партия России, Партия Свободы, Русское национальное единство, РОС, Русская гвардия и др. Все эти партии не зарегистрированы и потому нелегальны, однако действуют они открыто.

Регулярными становятся пикеты, митинги и другие массовые акции протеста, проводимые в российских городах активистами националистических движений. Все чаще национал-экстремисты демонстрируют свою силу, особенно в обеих столицах России. Лишь за один 2004 г. в Москве скинхедами на почве национально-расовой ненависти было совершено 12 убийств и 40 избиений российских граждан и иностранцев, а в Санкт-Петербурге - соответственно, 7 и 24 (далее идет Краснодарский край - 2 убийства и 27 избиений). Естественно, речь идет только о бесспорных случаях национал-экстремизма [Тимофеева, 2005].

Рецентрализация - также знаковое и фундаментальное направление российской внутренней политики, реализуемое через реформу регионального управления, которая по своей сути означает свертывание федеративных отношений. Субъекты РФ в результате создания федеральных округов реально утрачивают свою политическую субъектность; происходит удаление из Совета Федерации избранных на региональном уровне представителей регионов; выборы глав российских регионов заменяются своеобразной процедурой одобрения местным законодательным органом фигуры губернатора, представляемой Президентом России. Все эти нововведения на самом деле означают возврат к имперской традиции водворения региональных наместников самодержца, будь то царские генерал-губернаторы или советские партийные секретари. Усилилась роль традиционных для имперского порядка рычагов прямого принуждения. В этом качестве используются не только такие институты, как прокуратура, милиция, силы безопасности, армия, но и суд, также полностью зависимый от исполнительной власти.

Новая централизация, точнее - рецентрализация, власти сравнительно быстро доказала свою неэффективность, особенно в сфере межэтнических и религиозных отношений. Наихудшие ее результаты видны на Северном Кавказе, где расширяется зона этнического и религиозного сопротивления властям. В этом регионе некогда даже наместник российского царя представлял лишь видимую власть. Реально же им управляли неформальные лидеры, выбираемые в общинах различного рода. Чем шире образовывался разрыв между формальной и неформальной властью, тем выше была и вероятность коллапса управления на некоторой территории. Так происходит и сегодня, когда Кремль отстраняет от власти строптивых, но популярных лидеров, делая ставку на непопулярные, но послушные фигуры. Наиболее репрезентативный пример - Ингушетия. Замена президента Р. Аушева генералом ФСБ М. Зязиковым, осуществленная посредством процедурных манипуляций во имя блокирования расползания чеченского терроризма, не достигла своей цели. Именно с приходом Зязикова республика стала вторым после Чечни театром военных действий: 21 - 22 июня 2004 г. вся ее территория была на несколько дней захвачена боевиками (не только чеченскими, но и ингушскими). Отчуж-

денность же местного населения от всякой власти, в том числе и центральной, наоборот, перманентно нарастает.

Такая ситуация характерна для кануна распада империй. Растущая централизация государства вызывает накопление недовольства населения национальных окраин, и их отчужденная от власти элита способна использовать это недовольство, облекая его в этнорелигиозную оболочку и обеспечивая такой уровень сопротивления центральным властям, против которого бессильны любые армии.

Необходимость перехода к гражданским формам культурной интеграции

Целенаправленно активизируемая нынешними российскими властями имперская модель общежития различных этнорелигиозных групп принципиально несовместима с задачей интеграции народов и культур. Такая модель минимизирует варианты политических ответов на вызовы межэтнических кризисов, по сути сводя их к укреплению вертикали власти и иерархии народов; ужесточению реакции на "своеволие" групп, находящихся на нижних этажах подобной иерархической конструкции; подавлению локальных элит вместо поиска согласия с ними. Все это приводит к накоплению потенциала саморазрушения системы. Доводы же ее защитников, выражающиеся в том, что якобы на протяжении десятков лет в СССР она обеспечивала относительный межэтнический мир, на мой взгляд, несостоятельны.

Во-первых, само представление о национальном мире при советском строе - миф. На самом деле на протяжении всего этого периода существовало национальное сопротивление, включая вооруженное, которое либо скрывалось от общества, либо преподносилось в закамуфлированной идеологией форме. Например, как проявление "классовой борьбы" (разгром басмачества в Средней Азии или рассказывание); "обеспечение безопасности" (этнические депортации 1937 - 1944 гг.); "борьба с фашизмом" (подавление движений украинских и литовских националистов на рубеже 1950-х гг.); "пресечение происков мирового империализма" (преследование до середины 1980-х гг. любых национальных движений, особенно требовавших свободы этнической эмиграции).

Во-вторых, к настоящему времени исчерпаны ресурсы, с помощью которых в коммунистический период удавалось насильственно умирять национализм окраин. Ныне властям уже не по силам обеспечить тот уровень информационной замкнутости, который, с одной стороны, создавал иллюзию стабильности в стране, а с другой - лишал национальные движения информации о жизни аналогичных групп в демократических странах. Невоспроизводим ни тот уровень насилия, который обеспечивал, пусть на время, умирение недовольства, ни тотальный страх как условие сохранения авторитарной стабильности. Многолетнее использование вооруженных сил на Северном Кавказе привело лишь к тому, что зона этнического и религиозного сопротивления чрезвычайно расширилась и включает сегодня практически все республики региона, кроме Адыгеи.

Анализируя такое развитие событий, лидеры национальных движений других республик в составе России наверняка приходят к мысли, что российские вооруженные силы, которые не смогли умирить несколько тысяч чеченских боевиков, наверняка не справятся с задачей подавления сопротивления в масштабе всех или большей части национальных территорий. Армию боятся, когда она находится в казарме, а если она уже десятилетия безрезультатно воюет, то во многом теряет способность к сдерживанию сепаратизма. Наконец, в нынешних условиях становится неработоспособным главный приводной ремень авторитарной системы - чиновничий аппарат. В былой имперский период чиновник служил из веры, из страха, по необходимости (будучи экономически зависимым от правителя). Сегодня не существует ни одного из элементов, обеспечивающих верное его служение: бюрократия, по сути, приватизировала власть, превратив ее в источник личного дохода, и не зависит ни от государства, ни от общества.

В сложившихся условиях традиционная для России имперская модель межэтнического общежития *не может быть улучшена за счет частичных изменений и в перспективе должна быть заменена иной*. Ее следует заменить гражданско-политической мо-

делью национальной интеграции, одно из базовых преимуществ которой - способность к саморазвитию, к перенастройке, то есть оперативным ответам на вызовы современности.

Гражданско-политическая модель - не панацея от всех проблем, а лишь базовое условие культурной интеграции. Многие видные политические антропологи справедливо отмечают, что жесткая дихотомия между гражданскими и этническими компонентами наций не что иное, как чрезмерное упрощение реальности [Smith, 1986, p. 149]. Пожалуй, единственное, в чем единодушно большинство академических экспертов, как на Западе, так и в России, это в том, что перед странами не стоит необходимость выбора между гражданским единством и культурным, этническим многообразием. Эти типы групповой идентификации сочетаемы, но лишь в государствах с развитым гражданским обществом [Доклад... 2004, с. 4]. Важнейшим условием сосуществования гражданской и культурных идентичностей выступает наличие в стране такой институциональной среды, которая позволяет носителям разных культур ощущать себя равноправными участниками развития государства, то есть его гражданами, а не послушными подданными некоей отчужденной власти. Проблема постсоветской России состоит как раз в том, что она движется к закреплению подданнической модели общества. Причем, чем меньше представители всех слоев населения (и большинства, и меньшинств) ощущают себя гражданами, тем активнее развивается процесс их разобщенности. Это ведет к росту замкнутости в рамках традиционных культурных сообществ.

Гражданское единство в принципе не снимает проблему взаимоотношения этнического большинства и меньшинств, автохтонных народов и иммигрантских групп. Эта проблема обостряется и в авторитарных, и в демократических государствах. Однако разница между ними в том, что демократические режимы способны к самосовершенствованию, в том числе и за счет обновления репертуара концепций и политических практик, обеспечивающих взаимодействие культур и народов в рамках гражданского общества. В эпоху модерна в странах с республиканским типом политического устройства произошла смена, по крайней мере, трех основных концепций национально-гражданской интеграции.

Исторически первой из них была концепция *культурной ассимиляции*. Она возникла во Франции еще в период Великой французской революции и выражалась в лозунге: "Одна страна, один язык, один народ", что предполагало, разумеется, не уничтожение различных этнических общностей, проживающих в стране, а их культурную ассимиляцию в условиях равенства гражданских прав. В целом ассимилятивной была и американская модель "плавильного тигля". Иммигрантские группы населения США осваивали гражданские нормы на основе не только единого английского языка, но и совокупных норм культуры, так называемого "белого протестантского большинства". Да и в большинстве других западных стран преобладающей стала модель культурной ассимиляции (Швейцарская конфедерация с ее тремя государственными языками была, скорее, исключением из правил).

Однако со временем все разновидности ассимиляционной концепции доказали свою ограниченность. Во-первых, даже в демократических государствах ассимиляция не носила сугубо добровольного характера и была плодом, в той или иной мере, целенаправленных усилий властей, что дает основания современным либеральным мыслителям оценивать подобную политику как насильственную - "культурный империализм в отношении других этнических групп" [Kymlicka, Mesure, 2000, p. 158]. Во-вторых, ассимиляция далеко не всегда приводила к желаемому результату, и зачастую локальные культуры или культуры мигрантских сообществ, которые, казалось бы, слились с доминирующим большинством той или иной страны, вновь воспроизводились в некоторых случаях как оппозиция его неизбежного давления.

Со второй половины XX в. культурная ассимиляция стала все более негативно восприниматься вначале элитарными слоями, а затем и общественным мнением многих стран мира. Такая позиция нашла свое выражение и в документах международных организаций, например в Программе развития ООН (UNDP). В ее докладе 2004 г., посвящен-

ном культурным компонентам развития человечества, отмечается: "Если ХХ в, что-то и доказал, так это то, что попытки ликвидировать или просто вытеснить культурные группы вызывают их упорное сопротивление. Признание же существования культурной самобытности, наоборот, приводит к разрядке постоянной напряженности" [Доклад... 2004, с. 3]. Так или иначе, в современном мире большинство развитых государств и немалая часть развивающихся стран отказалась от концепции культурной ассимиляции. Пожалуй, лишь Франция проводит уникальную этническую политику "культурного централизма" в противоположность политике культурного федерализма или культурного многообразия в других странах ЕС и США. Там не признается существование этнических общностей: есть только граждане и в этом смысле все они - французы. Поэтому Франция - единственная из стран ЕС, не подписавшая Рамочную конвенцию Совета Европы "О защите национальных меньшинств", как, впрочем, и другие международные документы по этой проблеме. Однако подобная позиция, напоминающая поведение страуса, не спасает страну ни от корсиканского сепаратизма, который все чаще переходит к террористическим методам борьбы, ни от образования замкнутых этнических, религиозных или расовых анклавов, населенных иммигрантами, ни от многомиллионной поддержки избирателями шовинистов типа Ж. -М. Ле Пэна.

В большинстве других демократических стран на смену доктрине культурной ассимиляции пришла идея и практика *поощрения культурного многообразия*, получившая название *мультикультурализм*. Пожалуй, раньше других - в 1950 г. - она нашла косвенное отражение в Конституции Индии, где была сделана попытка соединения норм западной демократии с признанием культурного многообразия страны. Однако первой страной, в которой в 1971 г. доктрина мультикультурализма была провозглашена официально, стала Канада. Ее примеру в 1973 г. последовала Австралия, а в 1975 г. - Швеция. Данная концепция широко представлена в политической практике США, поощряющей мультикультурное образование. Кроме того, базовая для Америки доктрина "политической корректности" (*political correctness*) провозглашает, что эта страна "выступает за большую терпимость к человеческому многообразию" [Ле Кодиак, 2005, с. 38]. В той или иной форме мультикультурализм вошел в политическую практику Великобритании и ряда других стран Запада.

В России концепция мультикультурализма оценивается в основном негативно, хотя ее критика зачастую напоминает карикатуру и ведется не политкорректно (см., например, [Мультикультурализм... 2002; Скоробогатых, 2004]). Такая критика, на мой взгляд, не принимает во внимание достижения мультикультурализма в конкретных политических практиках. Не учитывается, например, его влияние на те гигантские подвижки в преодолении расового раскола в США, которые произошли за сравнительно короткое время (середина 1960-х - конец 1980-х гг.). Практически не известен в нашей стране позитивный опыт ряда государств Азии и Африки, в которых мультикультурализм стал едва ли не основным условием выживания в контексте острейших межплеменных и межобщинных противоречий [Доклад... 2004, с. 5 - 6]. Не обращают внимания российские критики мультикультурализма и на то, что его реальные недостатки раньше всего были вскрыты в странах, где такая политика реализовывалась в кругах, выступающих за совершенствование этой идеи с либеральных позиций.

Мультикультурализм подвергается критике по двум направлениям. Одно из них, восходящее к идее культурного империализма, защищает привилегии доминирующих групп и отрицает культурную свободу меньшинств. Эта позиция неконструктивна. Вместе с тем он критикуем и с либеральной точки зрения, что заслуживает серьезного внимания. Либеральный взгляд на данную проблему сфокусирован на том, что мультикультурализм способен при определенных условиях усиливать замкнутость этнических групп и порождать искусственные границы между ними, формируя своего рода гетто на добровольной основе. В некоторых же случаях многоукладность в сфере культуры способствует консервации наиболее архаических черт ее отдельных этнически окрашенных типов, препятствуя свободному развитию личности [Ле Кодиак, 2005, с. 49 - 50].

Тем не менее либеральная критика мультикультурализма вызвала к жизни и новые подходы к культурному развитию и национально-гражданской интеграции. Так, концепт "*культурной свободы*", сформулированный А. Сеном (индийский экономист, теоретик либерализма, лауреат Нобелевской премии в области экономики 1998 г.), признается большинством специалистов наиболее плодотворным в современных условиях. Его базовые идеи состоят в следующем:

- вместо бездумного восхваления приверженности традициям или запугивания мира мнимой неотвратимостью столкновения цивилизаций необходимо уделять внимание роли свободы в культурных сферах и путям защиты и расширения подобных свобод;

- целесообразно выделить среди ограничений культурной свободы их особую форму - "исключенность из участия", а также "исключенность по образу жизни";

- культурная свобода - это предоставление индивидам права жить и существовать в соответствии с *собственным выбором*, имея *реальную возможность оценить другие варианты*. "Множество существующих в мире несправедливостей сохраняется и процветает как раз потому, что они превращают своих жертв в союзников, лишая их возможности выбрать другую жизнь и даже препятствуя тому, чтобы они узнали о существовании этой другой жизни";

- культурное многообразие - не самоцель, а инструмент реализации культурной свободы в случаях, когда "благодаря ему расширяется культурный спектр социальной жизни и расширяется возможность выбора. Осуществление культурной свободы может привести даже к сокращению культурного многообразия, если люди приспосабливаются к образу жизни других людей и сознательно делают свой выбор в этом направлении" [Доклад... 2004, с. 17 - 31].

Отталкиваясь от последнего постулата концепции "культурной свободы" можно было бы представить, что в России этнические меньшинства и иммигрантские группы будут без принуждения, по своей воле приспосабливаться к образу жизни этнического большинства. В этом случае они смогут воспользоваться русской культурой как основным каналом свободного выбора культурных норм и освоения гражданских ценностей. Причем у меньшинств сохранится возможность развития своей этничности. Как показывает практика, во многих демократических странах реально существует индивидуальный мультикультурализм: подавляющее большинство жителей Бельгии считают себя одновременно бельгийцами и фламандцами или бельгийцами и валонами, а граждане Испании - испанцами и каталонцами или испанцами и басками.

Однако в нынешних российских условиях трудно представить себе, чтобы такой образ жизни был бы желателен. Как уже отмечалось, не только меньшинства, но этническое большинство сегодня ограничено в гражданской свободе вследствие "исключенности из участия". Оно не меньше, чем остальные, заражено культурными архаизмами, этническими предрассудками, фобиями и мифами, выступающими как барьер для интеграции. Некогда Э. Смит полагал, что идея гражданской нации - идеология этнического большинства как социального слоя, имеющего электоральные преимущества. Этническую же концепцию чаще поддерживают меньшинства, особенно в случаях, когда возникает угроза существованию их общности или возникает ощущение насильственного изменения культуры [Smith, 1986]. В современной России ситуация иная. Сегодня этнические лидеры, выступающие от имени большинства населения, настаивают не на гражданской, а на имперско-этнократической модели нации. Понятно, что это не может быть привлекательным для меньшинств, как автохтонных, так и иммигрантских. Данное обстоятельство еще раз подтверждает, что без радикальных перемен политического климата России трудно рассчитывать на решение задач органичной гражданской интеграции российского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бондаренко В. Народ Вседержитель // Завтра. 2000. 4 января.

Гудков Л. Д. Динамика этнофобий в России последнего десятилетия // Доклад на конференции "Национальные меньшинства в Российской Федерации". М., 2003.

- Доклад о развитии человека 2004. Культурная свобода в современном многообразном мире. М., 2004.
- Карпенко О.* Языковые игры с "гостями с юга": "кавказцы" в российской демократической прессе 1997 - 1999 гг. // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002.
- Королев С.* Мы русские националисты // Независимая газета. 2000. 6 июля.
- Крыштановская О. В.* Режим Путина: либеральная мелитократия? // Pro et Contra. 2002. N4.
- Левада Ю. А.* Новый русский национализм: амбиции, фобии, комплексы // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. М., 1994. N 1.
- Ле Кодуак Р.* Мультикультурализм // Диалоги об этничности и мультикультурализме. М., 2005.
- Макаров А.* Кто придет на смену генералам? // "Современная мысль". Издание Исламского конгресса России // http://www.islamua.net/islam_ua/news/general.shtml.
- Мотыль А.* Пути империй: упадок, крах и возрождение имперских государств. М., 2004.
- Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М., 2002.
- Национальные меньшинства. Правовые основы и практика обеспечения прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам в субъектах юга Российской Федерации. М., 2003.
- Паин Э. А.* Этнополитический маятник. Динамика и механизмы этнополитических процессов в современной России. М., 2005.
- Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 25 апреля 2005 г.
- Севастьянов А.* Нужен ли нам закон о "Русском народе"? (<http://supol.narod.ru/archive/2002/SU1700A.HTM>.30.07.2002).
- Скоробогатых Н. С.* Австралийский мультикультурализм: путь к гражданскому согласию или к расколу общества // Общественные науки и современность. 2004. N 1.
- Тимофеева О.* Скинхеды стали убивать в два раза чаще // <http://www.izvestia.ru/community/article413909>.
- Тишков В.* Культурное многообразие в современном мире // Диалоги об идентичности. М., 2005.
- Хантингтон С.* Кто Мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.
- Холмогоров Е.* Какая империя нужна русским? // АПН. Нижний Новгород, 2004 (<http://www.apn-nn.ru/print.php?typ=diskurs&id=21>).
- Hansen M. L.* The Problem of the Third Generation Immigrant. Rock Island, 1938.
- Kymlika W., Mesure S.* Comprendre les identités culturelles. Paris, 2000.
- Martin T.* The Affirmative Action Empire. Nation and Nationalism in the Soviet Union, 1923 - 1939. Ithaca, 2001.
- Reuter P., Pain E.* The Effects of Drug Trafficking on Central Asia. Santa Monica, 2004.
- Smith A. D.* The Ethnic Revival in the Modern World. Cambridge, 1981.
- Smith A.* Theories of Nationalism. London, 1986.